КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД В СИСТЕМЕ ЮРИСДИКЦИОННЫХ ОРГАНОВ (О «БОГОУГОДНЫХ ГРЕХАХ» КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ)*

БОНДАРЬ Николай Семенович, судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации
190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Сенатская площадь, 1
E-mail: ksrf@ksrf.ru

Автор статьи, анализируя место и роль Конституционного Суда Российской Федерации в институциональной системе национальной и наднациональной юрисдикций, предлагает собственный подход к исследованию данного института, в частности, сквозь призму так называемых конституционных парадоксов («богоугодных грехов») конституционного правосудия. Среди них: правовая включенность Конституционного Суда в разрешение конституционно значимых вопросов на стыке права и политики; вхождение Конституционного Суда в судебную систему и одновременно возвышение над ней как суда над властью и законом; юридическая сила итоговых актов Конституционного Суда, которые, не являясь законами, могут быть выше закона; обеспечение стабильности Конституции в сочетании с социоисторическим динамизмом; необходимость конституционно-судебного обеспечения верховенства Конституции во взаимодействии с международно-правовым регулированием и наднациональной юрисдикционной практикой. В статье обосновывается, что статусные характеристики национальных органов конституционного правосудия, проявляющиеся в современном миропорядке и во взаимоотношениях с органами международной юрисдикции, имеют конституционно оправданный характер и являются подтверждением особой роли этих органов в юрисдикционной системе современных конституционных демократий.

Ключевые слова: Конституция, Конституционный Суд, правосудие, разделение властей, права человека, национальная и наднациональная юрисдикции.

THE CONSTITUTIONAL COURT IN THE SYSTEM OF JURISDICTIONAL BODIES (OF GODLY SINS OF CONSTITUTIONAL JUSTICE)

N. S. BONDAR, judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, doctor of legal sciences, professor, honored scientist of the Russian Federation, honored lawyer of the Russian Federation
1, Senatskaya sq., St. Petersburg, Russia, 190000
E-mail: ksrf@ksrf.ru

Analyzing the place and role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the institutional system of national and supranational jurisdictions, there is the author's approach to the study of this institution in particular through the prism of the so-called constitutional paradoxes ("godly sins") of the constitutional justice. Among them: legal involvement of the Constitutional Court of the Russian Federation in the resolution of important constitutional questions at the intersection of law and policy; entering into the system of justice and at the same time transcending it as the trial of the government and the law; the legal force of the final acts, which are not laws, can be above the law; the stability of the Constitution in conjunction with socio-historical dynamism, the problems of guaranteeing its supremacy in collaboration with supranational jurisdiction, the need to ensure by the constitutional justice of the Constitutions' supremacy in collaboration with the international-legal regulation and supranational jurisdictional practices. The article explains that the status characteristics of the national organs of constitutional justice, manifested in the contemporary world order and in relations with bodies of international jurisdiction, have a constitutional good nature and serve as a confirmation of the special role of these bodies in the justice system in modern constitutional democracies.

Keywords: Constitution, Constitutional Court, justice, separation of powers, human rights, national and supranational jurisdiction.

DOI: 10.12737/24283

Место и роль органов конституционного правосудия в общей системе юрисдикционных органов (как национальной, так и наднациональной юрисдикций) — актуальный вопрос для всех современных демократических государств, в осо-

бенности — признающих специализированный институт конституционного контроля. Что же касается конкретных решений данной проблемы, то здесь возможны как общие, имеющие международно-правовое значение подходы, так и национально-специфические особенности, связанные с особенностями построения и функционирования национальной судебной системы, ее конституционно-контрольных органов, равно как и с историческими, социокультурными характеристиками государственно-право-

* В основе статьи — доклад автора на VI Международном конгрессе сравнительного правоведения «Современное правосудие: национальное и международное измерения» (Москва, 1 декабря 2016 г.).

вых систем. Это в полной мере касается и Российской Федерации.

Присутствующий в самом названии статьи тезис, содержащий некий теологический оттенок (о «богоугодных грехах» конституционного правосудия), не есть намек на божественное происхождение судебной власти или желание продолжить в этом плане дискуссию¹. Напротив, этот тезис имеет не столько теологическое, сколько некое сакрально-мифологическое, а стало быть, вполне светское содержание. В этом плане есть основание для использования этого, внешне вроде бы эклектичного тезиса (в его «светско-теологическом» проявлении), по крайней мере, как фигуры речи, где «богоугодные грехи» конституционного правосудия фактически предстают как некие скрытые, в чем-то кажущиеся внутренне противоречивыми, политико-правовые характеристики этого института современного (не только отечественного) конституционализма. Поэтому речь идет о том, что соответствующий тезис соотносится не столько с генезисом, историческими предпосылками утверждения конституционного правосудия в качестве относительно самостоятельной публично-властной функции в современном государстве, сколько с оценкой самой природы данной функции, освященной не только государственно-властными, но и моральными, нравственно-этическими, национальными социокультурными началами (в ряду которых, естественно, можно обнаружить и религиозные корни социальных императивов, имеющих нормативное значение при разрешении споров о праве, в какой бы форме они (споры о праве) не проявлялись). Более того, представляется обоснованным утверждение, что в обозначенном, своего рода светско-клерикальном, аспекте именно Конституционный Суд призван обеспечивать — в силу своих статусно-компетенционных, функциональных характеристик, равно как и особенностей юридической природы своих решений — определенный минимум «правовой святости»² в современной законодательной и общественно-государственной системе.

¹ Об этом см., например: *Баренбойм П. Д.* 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера. 2-е изд. М., 2003; *Лафитский В. И.* Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней. М., 2003; *Философия права* Пятикнижия: сб. ст. / под ред. А. А. Гусейнова, Е. Б. Рашковского. М., 2012.

² Понятие «правовой святости» имеет кантовское происхождение. Именно И. Канту принадлежит характеристика права как «самого святого, что есть у Бога на земле». В этом — понимание ценности права с точки зрения характеристик, находящихся «по ту сторону» представлений о его природе, выраженных в духовном мире человека, в его чистом разуме: идей свободы, справедливости, т. е. того внутреннего духовного мира человека, в котором господствуют идеалы и высшие начала морали, добра и совести, светлые начала разума, формируется нравственная правовая личность. URL: [http://](http://informsky.ru/filosofia-prava-kanta-1.html)

Вполне естественно, что для конституционного правосудия, как и любого другого явления социальной жизни, характерны не только «свет и благодать», но и качества, которые, отражая внутреннюю природу данного института, могут быть представлены как своего рода *богоугодные*, а в переводе на язык светских ценностей, вполне *конституционные «грехи»* (о чем мне приходилось писать, квалифицируя эти явления как «конституционные парадоксы конституционного правосудия»³). Каковы истоки, природа таких «грехов»? Действительно ли они являются свидетельством некой «греховности» данного института? Очевидно, что ответы на эти вопросы коренятся в самой природе относительно молодого (особенно по историческим меркам государственно-правового развития современных демократий) института конституционализма.

Конституционное правосудие занимает в системе современного конституционализма уникальное и, думается, не во всем окончательно утвердившееся (не только в России) реальной практикой конституционного развития место. Подтверждением этого являются продолжающиеся поиски оптимальных вариантов решения отнюдь не второстепенных для конституционного правосудия вопросов:

место данного органа — Конституционного Суда РФ (КС РФ) — в системе разделения властей, в том числе с точки зрения характера его отношений как с законодательной и исполнительной властью, так и с органами самой судебной власти, ответственности за неисполнение решений КС РФ;

степень обязательности отдельных видов решений КС РФ, в особенности определений и постановлений с так называемым позитивным содержанием и содержащих вывод об ином, по сравнению со сложившейся судебной практикой, конституционно-правовом истолковании проверяемых правовых норм без признания их неконституционности;

пределы очевидных (в частности, для России) тенденций унификации общих принципов судостроительства и судопроизводства, статуса судьи и выявления в связи с этим «мер», пределов распространения соответствующих требований на конституционное правосудие;

не только законодательные, но и инициативные (основанные на собственных правовых позициях КС РФ) поиски оптимальной модели нормоконтрольных и иных полномочий, что нередко имеет весьма неопределенные, в чем-то противоречивые векторы движения — как в направлении расширения (особенно, если речь идет об инициативных способах развития), так и их сужения, ограничения;

informsky.ru/filosofia-prava-kanta-1.html. См. также: *Алексеев С. С.* Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. 2-е изд. М., 2015.

³ См.: *Бондарь Н. С.* Судебный конституционализм: доктрина и практика. М., 2015. С. 8—91, 101—112, 127—138 и др.

проблема разграничения нормоконтрольных полномочий КС РФ и общеправовых судебных органов относительно таких нормативных правовых актов, как законы субъектов РФ, постановления Правительства РФ, а также юрисдикционное решение конституционно значимых вопросов в сфере избирательного процесса, конституционности политических партий и т. п.

При этом речь идет не только (и, пожалуй, не столько) о недостаточно выверенных решениях законодателя — на что порой обращают внимание специалисты, особенно в связи с недавними статусными изменениями КС РФ⁴, — но прежде всего о самой природе данного института, объективных сложностях оценки его юридических характеристик, в которых заложены внутренние противоречия политико-правового характера, которые не только не являются случайными или результатом ошибочных решений законодателя, а, напротив, отражают глубинные сущностные, порой внутренне противоречивые, характеристики данного института. Их как раз и можно обозначить как своего рода конституционные («богоугодные») грехи конституционного правосудия. По аналогии с известными семью смертными грехами вполне можно было бы выделить такое же количество конституционных характеристик; в данном случае ограничимся некоторыми из них.

1. КС РФ, решая исключительно вопросы права, тем не менее постоянно находится между правом и политикой (первый «богоугодный грех» конституционного правосудия). Но является ли это «грехом», например, аналогом второго из семи грехов («чревоугодие», «всеядность»)? Есть ли основания для предположений, что Конституционному Суду действительно отказывает «чувство меры» и он может принимать на себя решение вопросов не только права, но и политики?

Политическое значение деятельности органов конституционного правосудия, влияние их решений на политико-правовую сферу государственной жизни очевидны. Но при поиске непредвзятого ответа на поставленный вопрос нельзя не учитывать прежде всего объективные, конкретно-исторические условия и факторы, влияющие (и порой весьма существенно) на степень политизации конституционного правосудия. С учетом особенностей зрелости демократических начал национальных конституционно-правовых систем, уровня конституционно-правовой культуры в обществе и государстве эти обстоятельства, включая субъективные факторы, могут проявляться по-разному, с неодинаковой степенью очевидности. Но в конечном счете они всегда выступают показателем реальной самостоятельности органа

конституционного правосудия, его независимости в национальной системе разделения властей. В этом плане конституционный анализ соотношения конституционного правосудия и политики не исчерпывается формально-юридическими аспектами. Выход на социально-политические, социокультурные, конкретно-исторические, национально-специфические и иные аспекты действия Конституции в ее соотношении с законами, функционирования органов конституционного правосудия неизбежен и абсолютно необходим, что, как правило, недоступно для судов других юрисдикций. Это ориентирует на необходимость сформулировать своего рода *конституционно-правовую максиму*, которая в конечном счете раскрывает содержание сформулированного «конституционно-греховного» парадокса: в основе соотношения конституционного правосудия и политики должны лежать не подчинение конституционного правосудия политике и политизация конституционно-правовой сферы, а конституционализация политики. При этом необходимо видеть объективные предпосылки проникновения конституционного правосудия в сферу политики, которые коренятся в самой системе общественных отношений, составляющих как предмет конституционно-правового регулирования, так и предметную сферу осуществления конституционного правосудия. Не вызывает сомнений, что политическое содержание присутствует во всей системе отношений, составляющих предмет конституционного права. В то же время очевидно, что конституционное правосудие нуждается в специальных гарантиях, направленных на его защиту от политического воздействия, равно как и от неоправданного погружения конституционного правосудия в политическую сферу. Более того, определенные механизмы, средства гарантирования недопустимости политизации конституционного правосудия могут вырабатываться и самими органами конституционного правосудия (например, в практике КС РФ — это доктрина разумной сдержанности⁵; недопустимость толкования Конституции РФ по вопросу, в отношении которого ведется законодательный процесс⁶; недопустимость оценки норм избирательного законодательства в ходе избирательной кампании⁷; самоограничение КС РФ в отношении оценки на конституционность пробелов в законодательстве⁸ и др.).

⁵ См. постановления КС РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П, от 20 декабря 2011 г. № 29-П, от 14 мая 2012 г. № 11-П.

⁶ См., например, определения КС РФ от 11 июня 1999 г. № 104-О, от 8 апреля 2004 г. № 128-О, от 4 октября 2005 г. № 396-О.

⁷ См., например, определение КС РФ от 20 ноября 1995 г. № 77-О.

⁸ См., например, постановления КС РФ от 14 ноября 2005 г. № 10-П, от 2 марта 2010 г. № 5-П.

⁴ См., например: Кряжков В. А. Законодательство о Конституционном Суде РФ: новеллы 2014 года // Государство и право. 2014. № 12.

2. «Конституционный Суд — больше, чем суд»: есть ли это «греховность»? Этот «богоугодный грех» восходит в конечном счете к вопросам о том, является ли орган конституционного нормоконтроля ординарным в его классическом проявлении — а в чем-то и полноценным — судебным органом? Каковы его место и роль в национальной системе разделения властей? С этим так или иначе связаны все последующие характеристики конституционного правосудия, включая объем полномочий, юридическую природу его актов как итоговой правовой формы конституционно-контрольной деятельности, степень их обязательности для иных органов, соотношение актов национального конституционного нормоконтроля с актами межнациональной юрисдикции и т. д.

Основные сомнения относительно КС РФ как полноценного судебного органа, попытки представить его неким «квазисудом» связываются с особенностями конституционного нормоконтроля как главной функции Суда. При этом в ряду отличительных характеристик конституционно-судебной нормоконтрольной деятельности как «квазисудебной» — в сопоставлении с ординарным судопроизводством — называются, например, отсутствие спора о праве, «утрата содержательного наполнения» принципа состязательности и равноправия сторон, невозможность установления юридических фактов и некоторые другие.

Действительно, конституционное правосудие обладает спецификой, порой существенной, что, однако, не «отменяет» статус этого органа как судебного. Что же касается, например, утверждений о том, что в рамках конституционного нормоконтроля «отсутствует спор о праве», то они не согласуются с предназначением и самой логикой конституционно-судебного разбирательства, связанного с *разрешением конституционно-правовых споров*. Конституционно-судебный процесс по общему правилу не возникает иначе, чем на основе столкновения интересов и мнений (правовых позиций) и обеспечивает разрешение соответствующего противоречия (коллизии, конфликта) в процедуре, где его субъекты стремятся убедить КС РФ в обоснованности именно их точки зрения по рассматриваемому вопросу. Именно поэтому конституционно-судебный нормоконтроль традиционно рассматривается как механизм, форма или способ разрешения публично-правовых споров, формой проявления которых являются споры о конституционности нормативных правовых актов, в том числе в связи с нарушением этими актами конституционных прав и свобод граждан. Наиболее ярко «греховный» характер конституционного нормоконтроля проявляется в рамках конкретного конституционного контроля, когда гражданин (объединение граждан) спорит с государством в лице законодателя.

В свою очередь, при всей специфике реализации принципа состязательности и равноправия сторон в конституционном судопроизводстве нет никаких ос-

нований отрицать его универсальность (ч. 1 и 2 ст. 19, ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) и значение, в том числе как принципа конституционного нормоконтроля (ст. 5, 35, 53 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). При этом речь идет как об устном, так и письменном производстве в порядке, определяемом ст. 47¹ названного Закона, где закрепляются специальные требования, направленные на гарантирование принципа состязательности и равноправия сторон участников конституционного судопроизводства без проведения слушания.

При этом, правда, нельзя не учитывать, что признание Конституционного Суда в качестве органа, который «больше, чем суд», не только упрощает положение этого судебного органа в системе разделения властей, включая взаимоотношения с другими судами России, но, напротив, существенным образом актуализирует проблемы, связанные с обеспечением их эффективного взаимодействия. Это и понятно: ведь КС РФ является по сути судом над законом и, стало быть, над властью. Речь идет о конституционной оценке результатов государственно-властной деятельности, выражающейся в нормотворчестве, в том числе в свете складывающегося его правоприменения.

В контексте общемировой конституционной практики должен оцениваться и характер воздействия конституционного правосудия на правотворческий процесс. КС РФ играет значительную роль в становлении и развитии современного российского конституционализма, Основного закона и конституционного законодательства, а посредством этого — и отраслевого законодательства. Получая институционное оформление как правоприменительный юрисдикционный орган, КС РФ объективно, по самой природе своей деятельности и особенностям юридической силы принимаемых решений, все в большей степени приближается к нормативно-установительной юридической практике, к правотворчеству. С этим связан следующий «богоугодный» парадокс конституционного правосудия.

3. Решения КС РФ, не будучи законом, по юридической силе и доктринальному значению стоят выше, чем закон — является ли это «греховностью» конституционного правосудия? Как в нашей стране, так и в других государствах континентального права в последние годы наметилась линия на признание судебной практики в качестве источника права; таким источником права рассматриваются в первую очередь решения конституционных судов. Не отрицая наличия некоторых сопоставимых характеристик в юридической природе решений всех высших судебных органов, следует признать очевидным тот факт, что акты конституционного правосудия обладают особыми, весьма специфическими признаками источников права в силу имманентно присущих этим актам юридических

свойств конституционно-правового характера. Речь идет в конечном счете о том, что решения КС РФ — не простые акты судебной практики; они как бы приемыкают к Конституции, составляя вместе с ней *особый вид конституционных источников права*, существующий наряду с законами, подзаконными актами, судебной практикой, иными видами источников права.

Специфика нормативной энергии решений КС РФ такова, что она имеет предметом (сферой) своего влияния прежде всего нормативные величины наиболее высокого, абстрактного уровня — общие принципы права, конституционные ценности и принципы, получающие реализацию во всех отраслях системы действующего права. С помощью конституционно-контрольной деятельности происходят своего рода приращение и актуализация нормативного содержания соответствующих принципов, а также установление их сбалансированного взаимодействия. В результате формируется особый вид нормативных начал, *конституционно-судебные нормоустановления*, которые значительно отличаются от обычных юридических норм как в сущностно-содержательном, так и формально-юридическом плане. Пожалуй, главная специфика конституционно-судебных нормоустановлений заключается в том, что они сочетают нормативность с доктринальными началами: на этой основе возникает некое новое, интегральное качество актов КС РФ — их *нормативно-доктринальная природа*. Этим же предопределяется также их *двойственное назначение в системе источников права*. Решения КС РФ являются *источником конституционного права*, и в этом качестве они всегда содержат нормативную энергию (негативного либо позитивного характера), направленную на сферу конституционного регулирования. Решения КС РФ обладают конституционной природой в силу собственных характеристик независимо от предмета конституционного контроля и всегда являются — в единстве с Основным законом — конституционными источниками права. В то же время с учетом предмета конкретных дел *решения КС РФ выступают источниками и других отраслей права*, обеспечивая «сцепку» собственно конституционно-правовых норм и норм отраслевого законодательства, создают нормативное единство, основанное на выявленной в процессе рассмотрения дела объективной взаимосвязи, переплетения конституционных и иных отраслевых правоотношений. На этой основе становится возможной «греховная всеядность» решений КС РФ — их влияние на все сферы юрисдикционной деятельности, включая административную, гражданско-правовую, уголовно-правовую и т. д.

Одновременно конституционно значимый нормативно-доктринальный характер решений КС РФ проявляется в том, что им придается юридическая сила, превышающая юридическую силу нормативных правовых актов, являвшихся предметом проверки, а

осуществляемая в процессе конституционного судопроизводства казуальная интерпретация положений Конституции РФ, на которых оно основано, по своей силе превышает любую ее интерпретацию любым другим органом⁹.

4. Условием стабильности Конституции является ее соционисторический динамизм, обеспечиваемый нормоконтрольно-преобразовательной деятельностью КС РФ. В этом находит подтверждение еще один конституционный («богоугодный») парадокс конституционного правосудия. Чаще всего, как известно, обращается внимание на то, что КС РФ — хранитель, защитник Конституции. В этом качестве Суд действительно обладает очень важными полномочиями, прежде всего по обеспечению соответствия текущего законодательства требованиям Конституции. К сожалению, порой этой охранительной функцией и ограничивается характеристика роли КС РФ применительно к Конституции. Но этого явно недостаточно. Не менее важное значение имеет преобразовательная функция КС РФ.

КС РФ обладает особыми, уникальными полномочиями, связанными не только с возможностью сказать, соответствует ли норма текущего закона Конституции (по принципу «да — нет»), но и дать отвечающее новым, сегодняшним условиям геополитического, социокультурного развития общества и государства толкование норм самой Конституции. Речь идет не просто о понимании текста Конституции, а о выявлении ее Духа. Тем самым Конституция как бы испытывает с помощью решений КС РФ некое «правопреобразующее» воздействие, т. е. без изменения буквы Конституции Конституционным Судом выявляются (но не добавляются!) ее новые, скрытые потенциальные возможности, заложенные в Духе Конституции, который наиболее полно, концентрированно проявляется в ее принципах, ценностях, презумпциях, аксиомах, дефинициях и т. п. и других нормативных положениях общего, наиболее важного и абстрактного характера. Поэтому роль КС РФ незаменима, кроме прочего, в соционисторическом «оживлении» Конституции. И это не является нашим, отечественным изобретением; в этом проявляются особая, уникальная природа, назначение института конституционного контроля как такового. Во многом благодаря таким возможностям КС РФ можно утверждать, что, несмотря на то что действующая Конституция была принята в прошлом веке, в 1993 г., по своему духу, внутренним, в том числе потенциальным, возможностям, это документ нынешнего, XXI в.

Нужно, однако, отметить, что использование в условиях континентальной правовой системы инструментария конституционно-судебного преобра-

⁹ Такие подходы получили признание и в решениях КС РФ. См., например, постановление от 8 ноября 2012 г. № 25-П, определение от 8 июля 2014 г. № 1562-О.

зования Конституции должно быть тщательно выверенным, уважительным по отношению к букве Основного закона. Возможности конституционного правосудия в этом плане не безграничны, одним из безусловных ограничителей является сохранение основного существа конституционных норм. Одновременно это не исключает, что при созревании условий возможно вторжение и в сам текст Конституции, что может быть связано как с точечными текстуальными ее изменениями, так и с возможностью осуществления — при коренных преобразованиях в обществе и государстве — конституционной реформы¹⁰. Но и в этих случаях практика конституционных преобразований современных демократий не должна отступать от принципиальных нормативно-доктринальных требований конституционализма в том виде, как они вырабатываются органами конституционного правосудия.

Место и роль конституционного правосудия в механизме современного государства, юридическая природа его актов предопределяют особенности взаимодействия конституционных судов с иными юрисдикционными органами не только национального, но и наднационального уровня.

5. О конституционно-судебном обеспечении верховенства Конституции во взаимодействии с международно-правовым регулированием и наднациональной юрисдикционной практикой. В решении данной проблемы проявляется еще один конституционно значимый «богоугодный» парадокс конституционного правосудия: признавая безусловное значение сотрудничества и взаимодействия национальных правовых систем, КС РФ не может не учитывать, что эти процессы проявляются в единстве с противоречивыми тенденциями правовой глобализации, что предполагает не только усиление взаимопроникновения национальных правовых систем и юрисдикций, но и их конкуренцию, соперничество; это естественным образом порождает проблемы защиты суверенных прав, учета, сохранения социокультурных особенностей национально-государственной конституционной системы.

В этом плане главное, пожалуй, заключается в том, что на КС РФ как органе конституционного контроля лежат задачи по обеспечению принципиального *единства и нерушимости ценностных основ национально-конституционного правопорядка*, что достигается в том числе посредством обеспечения единства толкования и применения Конституции, а также единства конституционно-правовой интерпретации законодательства и всей судебной правоприменительной практики. Что же касается, например, европейской конвенционной юрисдикции (в лице ЕСПЧ), то уже в силу ее субсидиарной природы предполагается достаточно высо-

кий уровень сдержанности в отношении требований единообразия ценностных подходов к различным национальным правопорядкам. В этом проявляется своего рода *полифония современного европейского конституционного правопорядка*, «многоуровневый конституционализм»¹¹ на европейском континенте. Это и понятно: в нынешних условиях достигнутой правовой интеграции, в частности, между государствами — членами Совета Европы (к которым принадлежит Россия), нет никаких оснований говорить о наличии единого для них конституционно-правового пространства. Принципиально важным является признание со стороны ЕСПЧ *плюрализма конституционных ценностей*, имея в виду как нормативно-правовое пространство, так и правоприменительную сферу. В этом находит свое отражение тот факт, что наднациональная конвенционная юрисдикция в лице ЕСПЧ должна быть *не только субсидиарным институтом защиты прав и свобод* (имея в виду, что основные средства их правовой защиты должны обеспечиваться на национальном уровне), но и *консенсусным институтом наднационального конвенционного правопорядка*.

В этом плане представляется обоснованным (и важным!) исходить из того, что между национальными конституционными и европейскими (конвенционными) ценностями, принципами существуют не иерархически-субординационные, а координационные связи. В конечном счете это и есть вопрос о соотношении европейского консенсуса и национальной конституционной идентичности¹², имея в виду, что концепция «европейского консенсуса» используется порой в ущерб конституционному плюрализму и «конституционной полифонии» в рамках европейского конституционного пространства.

При выработке же механизмов разрешения конфликтов между национальными юрисдикционными органами и ЕСПЧ важно учитывать, что коллизии как таковые, в том числе возникающие из соотношения и столкновения национального и наднационального права, имеют конституционное значение. А все споры, которые по своей юридической природе, характеру и последствиям являются конституционными, подлежат разрешению, как известно, в порядке конституционного судопроизводства. Именно в этом ключе необходимо рассматривать и постановления КС РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П и от 19 апреля 2016 г. № 12-П, которыми был предложен механизм разрешения соответствующих коллизий. Логика выработанной Судом правовой позиции в том, что в силу верхо-

¹¹ См.: *Танчев Е.* Возникающий наднациональный конституционализм и современные системы конституционного контроля // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4. С. 61.

¹² См.: *Зорькин В. Д.* Конвенция о правах человека в российской правовой системе: проблемы имплементации // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 1. С. 2—4.

¹⁰ См.: *Хабриева Т. Я.* Конституционная реформа в современном мире. М., 2016.

венства Конституции международные правоустановления должны интерпретироваться как конкретизация положений Конституции, но они не могут быть применены, если выходят за пределы заложенного в Конституцию правового смысла¹³.

Ярким примером тому может служить отношение различных правовых порядков к институту однополых браков и к пропаганде гомосексуальных связей в соотношении с европейским конвенционным подходом. Очевидно, что сексуальная свобода является тем аспектом самовыражения личности, который не может интерпретироваться в отрыве от общей сложившейся в конкретной культуре системы социальной регуляции, включая моральные, религиозные нормы, национальные традиции и т. п. Наш подход к этим вопросам получил отражение в постановлении КС РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П. В своем решении КС РФ дал конституционное истолкование обжалуемых норм, указав на недопустимость вмешательства в сферу сексуально-

го самоопределения личности. Но он не нашел оснований идти по пути тех «стандартов», которые фактически ориентированы на пересмотр классических идей равенства и свободы, когда борьба с дискриминацией и неравноправием по сути подменяется требованием особых прав для сексуальных меньшинств.

Таким образом, статусные характеристики национальных органов конституционного правосудия, проявляющиеся в современном миропорядке и во взаимоотношениях с органами международной юрисдикции, безусловно, имеют «богоугодный» (конституционно обоснованный) характер, они являются подтверждением особой роли этих органов в юрисдикционной системе современных конституционных демократий, в обеспечении взаимодействия национальной и международной юрисдикций на основе последовательного гарантирования верховенства Конституции (ч. 1 ст. 15) в режиме безусловного признания общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации составной частью ее правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ).

¹³ См.: Зорькин В. Д. Право силы и сила права // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 5. С. 6.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. 2-е изд. М., 2015.
- Баренбойм П. Д. 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера. 2-е изд. М., 2003.
- Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. М., 2015.
- Зорькин В. Д. Конвенция о правах человека в российской правовой системе: проблемы имплементации // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 1.
- Зорькин В. Д. Право силы и сила права // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 5.
- Кряжков В. А. Законодательство о Конституционном Суде РФ: новеллы 2014 года // Государство и право. 2014. № 12.
- Лафитский В. И. Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней. М., 2003.
- Танчев Е. Возникающий наднациональный конституционализм и современные системы конституционного контроля // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4.
- Философия права Пятикнижия: сб. ст. / под ред. А. А. Гусейнова, Е. Б. Рашковского. М., 2012.
- Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире. М., 2016.